

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог	9
Глава 1.....	17
Глава 2.....	35
Глава 3.....	47
Глава 4.....	57
Глава 5.....	73
Глава 6.....	85
Глава 7.....	95
Глава 8.....	99
Глава 9.....	111
Глава 10.....	131
Глава 11.....	145
Глава 12.....	151
Глава 13.....	163
Глава 14.....	175
Глава 15.....	179
Глава 16.....	187
Глава 17.....	195
Глава 18.....	199
Глава 19.....	217

Глава 20.....	225
Глава 21.....	235
Глава 22.....	249
Эпилог.....	255
Благодарности.....	267
Примечания.....	269
Источники.....	273

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Перед вами документальный роман, призванный перенести читателя в те дни, когда Робер де Ларошфуко сражался с нацистами в оккупированной Франции как диверсант и участник Сопротивления. В основу этой истории легло несколько источников, и в первую очередь — мемуары самого Ларошфуко «Свобода мне в радость: 1940–1946*», опубликованные в 2002 г., за 10 лет до его смерти. Кроме того, семья Ларошфуко, с неизменной благосклонностью относившаяся к моей работе, поделилась со мной аудиозаписью, на которой Робер рассказывает детям и внукам о своей жизни и участии в войне. При этом я получил и DVD с документальным фильмом, режиссером, монтажником и продюсером которого выступил один из племянников Робера. Это настоящая сага об истории легендарной семьи, о родителях Робера, о его девяти братьях и сестрах, а главное — о мужестве, которое понадобилось самому главному герою в ходе войны. Эти бесценные материалы послужили прекрасной отправной точкой при написании книги. И аудиозапись, и фильм предназначались для семейного

* Robert de La Rochefoucauld, *La liberté, c'est mon plaisir* (Paris: Perrin, 2002). Название книги содержит отсылку к семейному девизу Ларошфуко: «C'est mon plaisir», подразумеваемый смысл которого — «Мне в радость [служение королю]». — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

архива Ларошфуко, но дочь Робера, Констанс, любезно предоставила мне копии.

Я подолгу беседовал с ней и тремя ее братьями и сестрами об их отце — лично, по Skype, по телефону и электронной почте. Снова и снова я связывался с ними, хотя обещал уже не досажать расспросами, и всякий раз просил прощения за назойливость. Однако Астрид, Констанс, Ортанс и Жан всегда откликались на мои просьбы и охотно делились воспоминаниями. За это я им бесконечно благодарен.

Эта книга — результат четырехлетней исследовательской и журналистской работы в пяти странах. Я побеседовал с десятками людей, прочел около 50 книг на английском и французском языках, изучил тысячи страниц военных и исторических документов на четырех языках. И все же, во многом из-за секретного характера миссий Ларошфуко во время войны, порой приходилось полагаться лишь на его собственные свидетельства о тех или иных событиях — как на лучшие, а иногда и единственные описания событий. К счастью, его воспоминания удивительно яркие и прекрасно согласуются с известными историческими фактами о Франции того времени.

Пол Кикс, январь 2017 г.

Пролог

Семья не уставала спрашивать его: почему? Как герой войны мог встать на сторону человека, которого называли предателем? Зачем было Роберу де Ларошфуко, кавалеру ордена Почетного легиона, рисковать своим добрым именем ради защиты Мориса Папона, обвиненного — спустя столько лет после войны — в пособничестве нацистам во время оккупации?

Эти вопросы витали в воздухе вплоть до февраля 1988 г., когда Ларошфуко начал давать свидетельские показания в ходе уголовного процесса, открывшегося четырьмя месяцами ранее, — процесса, которому суждено было продлиться полгода и стать самым долгим в истории французского правосудия*.

Вошедший в зал суда Ларошфуко выглядел чрезвычайно элегантно. Его серебристые волосы только начинали редеть, и он по-прежнему зачесывал их назад. В свои 74 года он держался так, будто ему не больше 50. Иронический взгляд карих глаз, римский профиль — все выдавало в нем аристократа, привыкшего повелевать. Высоко подняв голову, он прошествовал

* Рассказывая о фактах из жизни семьи де Ларошфуко и самого Робера де Ларошфуко, здесь и далее автор полагается на свои беседы с дочерьми Робера Астрид Гэньо и Констанс Гийомен, его сестрой Йолен, сыном Жаном, племянником (и неофициальным историком семьи) Николая де Шоненом. Кроме того, ряд сведений, не снабженных сносками в настоящем издании, автор почерпнул из аудиозаписи бесед с Робером и семейного фильма, не предназначенного для распространения (семья Ларошфуко любезно предоставила ему копию. — Прим. ред.).

к свидетельской трибуне и дал присягу, а затем вернулся на свое место, которому на время судебного разбирательства суждено было стать центром всеобщего внимания. Вид у него был на удивление невозмутимый. Даже на лице сохранялись следы бронзового загара — несмотря на хмурую французскую зиму. Годы, казалось, были не властны над его мужественной красотой — почти такой же ослепительной, как в первые послевоенные годы, когда он менял девушек как перчатки, пока не встретил Бернадетт де Марсье де Гонто-Бирон, свою будущую жену и мать его четверых детей.

На трибуне Ларошфуко предстал в зеленом твидовом пиджаке в клетку поверх светло-голубой рубашки с узорчатым коричневым галстуком. Такой наряд вполне подходил сельскому дворянину, приехавшему на день-другой в Бордо из Пон-Шеврона — родового гнезда с 30 спальнями и 27 гектарами земли в департаменте Луара в Центральной Франции. Он просто излучал харизму, сиявшую еще ярче на фоне сумрачной строгости стен зала суда. В тот день Ларошфуко затмил всех присутствующих.

Молва о его бесстрашии бежала впереди него, и суд — чуть ли не из любопытства — дозволил ему вступительное слово. Всем не терпелось узнать, почему не кто-нибудь, а Ларошфуко взялся защищать такого человека, как Папон. Ларошфуко кивнул подсудимому в темном костюме, отделенному от него пуленепробиваемым стеклом, и с некоторой досадой, которую выдавал изгиб губ, принялся вспоминать события полувековой давности.

«Прежде всего хочу сказать, что в 1940 г., несмотря на мою крайнюю молодость, я был против немцев, против Петена* и против Виши. Я считал, что надо продолжать войну

* Филипп Петен (1856–1951) — французский военный и государственный деятель, маршал Франции (1918). В 1940–1944 гг. возглавлял

с нацистами на юге Франции и в Северной Африке...» В то время Роберу было всего 16, и он происходил из семьи, люто ненавидевшей немцев. Его отец Оливье, боевой офицер, ветеран Первой мировой, в 1939 г. вновь поступил на службу. Через пять дней после заключения перемирия его арестовали нацисты — в том числе за попытку сражаться и после подписания злополучного договора. Мать Робера, Консуэло, возглавлявшую местное отделение Красного Креста, немецкие офицеры прозвали Грозной графиней.

На трибуне Ларошфуко почти не касался того, что последовало за вступлением немцев в Париж в 1940 г., — своих подвигов, которые принесли ему четыре боевые награды и звание кавалера ордена Почетного легиона. Вместо этого он сосредоточился лишь на одном эпизоде лета 1944 г. — на том, чему был свидетелем лично. Его показания в корне противоречили линии обвинения против Папона.

Морис Папон был чиновником в коллаборационистском правительстве Виши. Он дослужился до руководящей должности в департаменте Жиронда на юго-западе Франции, в юрисдикцию которого входил Бордо. Папону вменялось в вину, что на посту генерального секретаря префектуры Жиронды и куратора еврейских дел он визировал отправку восьми из десяти конвоев с еврейскими гражданскими лицами — сначала в лагеря для интернированных на территории Франции, а затем в концлагеря в Восточной Европе. В общей сложности вишистские чиновники Жиронды выслали 1690 евреев, среди которых было

коллаборационистское правительство режима Виши — марионеточного государства на территории Франции, сотрудничавшего с нацистской Германией. После войны был признан виновным в государственной измене, приговорен к смертной казни, но помилован де Голлем и осужден на пожизненное заключение.

223 ребенка. Папону предъявили обвинения в преступлениях против человечности.

Но подлинные подробности работы Папона на вишистский режим оказались куда более запутанными, чем картина, нарисованная обвинением. Несмотря на громкое название своей должности, Папон оставался лишь вишистским чиновником средней руки, далеким от рычагов власти. Впоследствии он утверждал, будто понятия не имел ни о пункте назначения вагонов для скота, в которых перевозили евреев, ни о том, какая участь ждала высылаемых на месте. Кроме того, сам приказ о депортации отдал Рене Буске, начальник национальной полиции Виши. Папон утверждал, что он просто выполнял приказы, будучи самым обычным бюрократом, которому, увы, пришлось подписывать распоряжения о высылке евреев.

Когда осенью 1997 г. против Папона начался судебный процесс, историк Мишель Берже, первым обнаруживший бумаги с его подписями, заявил суду, что больше не считает эти документы доказательством вины подсудимого. Даже два адвоката, представлявшие на процессе семьи жертв депортаций, признавались, что испытывают сильное чувство неловкости от необходимости обвинять этого человека.

Однако Робер де Ларошфуко располагал и другими сведениями, способными пошатнуть позиции обвинения в деле Папона. Он поведал суду, что летом 1944 г. примкнул к отряду Сопротивления под названием «Шарли». «Там были и евреи, — рассказывал Ларошфуко. — Увидев, как их много, я спросил, что они тут [в отряде] делают. Командир только пожал плечами: “Их предупредили в префектуре, что готовится облава”. Иными словами, эти люди были благодарны за спасительное предупреждение и обрадовались возможности вступить в ряды Сопротивления.

Ларошфуко познакомился и сдружился с Папоном в 1960-х гг. К тому времени Папон был уже префектом парижской

полиции. «Я узнал, что во время войны он служил в префектуре [Жиронды], — вспоминал Робер на суде, — и рассказал ему про тех евреев из “Шарли”. А он улыбнулся и сказал: “Да, в префектуре у нас все было хорошо отлажено”».

При всей своей героической биографии, на трибуне Ларошфуко признал: чтобы помочь Сопротивлению изнутри режима Виши, требовался «поистине колоссальный запас личного мужества»: «И мсье Папон, несомненно, один из таких смельчаков».

15 минут показаний — и вот уже судья зачитывает письменные свидетельства четырех других участников Сопротивления, чьи слова удивительным образом вторят Ларошфуко: да, Папону приходилось подписывать приказы о депортации, но он же помогал евреям избежать ареста! Роже-Самюэль Блох из Бордо, еврей и участник Сопротивления, писал, что с ноября 1943 по июнь 1944 г. Папон, рискуя карьерой и жизнью, не раз давал ему убежище.

Заседание отложили до утра. Ларошфуко вышел на улицу и окинул взглядом преобразившийся Бордо. Город, где больше не реяли флаги со свастикой. Где никто не гадал, кто донесет на тебя. Где прохожие не сжимались в страхе, заслышав за спиной зловещую поступь гестаповских сапог.

Как уместить в четверть часа всю тревогу, весь липкий страх оккупации, который пропитывал людей насквозь, словно едкий сигаретный дым переполненных кафе? Как объяснить всю неоднозначность и муки выбора тем, кто вырос в мирное время и привык делить мир на черное и белое?

Ларошфуко уже вышел за ограду здания суда, когда заметил, что к нему приближаются протестующие против Папона. Один подскочил совсем близко и плюнул ему под ноги. Ларошфуко смерил наглеца яростным взглядом, но не стал останавливаться.

Те, кто помоложе, — включая его собственных взрослых детей, племянников и племянниц, — не могли понять главного:

в суд Ларошфуко привело отнюдь не сочувствие к подсудимому, с которым он даже не был знаком во время войны. Он вышел на трибуну из верности братству — тем горсткам бойцов Соппротивления, что осмелились противостоять чудовищной машине нацистской оккупации. Они знали, каково это — отказывать себе во всем. Они видели самые чудовищные проявления варварства. Эти повстанцы, прошедшие через те же испытания, что и Ларошфуко, и выжившие назло всему, до сих пор понимали друг друга без слов. Их по-прежнему связывала незримая нить боевого товарищества, и никакие обвинения, даже столь тяжкие, как преступления против человечности, не могли разорвать эту связь.

Конечно, Ларошфуко не стал говорить всего этого вслух. Он вообще редко распространялся о своей роли в Соппротивлении. Даже когда на ветеранских встречах другие заводили речь о его подвигах, он неизменно отмалчивался. Отчасти из природной скромности, но больше оттого, что не хотелось беречь старые раны.

Вот и приходилось его детям, племянникам и племянницам довольствоваться обрывками случайно подслушанных историй о его легендарных свершениях. На протяжении всего детства, да и потом, в зрелом возрасте, они увлеченно обсуждали: действительно ли Ларошфуко случайно встретил Гитлера, а потом пробрался через немецкие линии, переодевшись монашкой? Действительно ли он улизнул от расстрельной команды, а однажды убил человека голыми руками? Действительно ли он прошел подготовку в секретном подразделении британских диверсантов, переломившем ход войны? Почти всю жизнь Ларошфуко оставался загадкой даже для своих близких.

А сейчас он садится за руль своего «ситроена», чтобы отправиться в пятичасовой путь до поместья Пон-Шеврон. Быть

может, однажды он все же решится рассказать, почему взялся защищать Папона. А по сути — о том, чему сам стал свидетелем на войне. И о том, почему сражался, когда это делали лишь единицы.

«Может, когда-нибудь и расскажу, — говорит он себе. — Но не сегодня».

ГЛАВА 1

Не может отвечать за свою храбрость человек, который никогда не подвергался опасности.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО. МАКСИМЫ*

Было 16 мая 1940 г., когда с востока донесся странный звук. Робер де Ларошфуко был дома вместе с братьями и сестрами, когда услышал его: сначала низкое жужжание, с каждой секундой нарастающее, а затем — настойчивый злобный гул. Он прильнул к одному из высоких окон семейного замка Вильнёв, утопавшего в зелени огромного (14 гектаров) парка близ Суассона, в полутора часах езды к северо-востоку от Парижа.

На горизонте Робер увидел то, чего уже давно со страхом ждал.

Бесконечный рой самолетов, источающих угрозу. Вот они накрыли тенью городскую площадь Суассона. А вот от роя начали отделяться небольшие немецкие «юнкерсы» — одномоторные двухместные самолеты с характерно изогнутыми крыльями. Они казались Роберу хищными птицами — да так оно и было. Они ринулись вниз, и сирены под фюзеляжами исторгли пронзительный вой. Семья застыла у окон, оцепенев от увиденного и услышанного. А бомбы уже сыпались на землю: беспорядочно, безжалостно, разя Суассон

* Пер. Э. Линецкой.

и подбираясь все ближе к замку. В тех местах, где они взрывались, в небо взлетали фонтаны земли, дерна и щепок. Раскаты чудовищных взрывов, такие же ужасающие, отдавались в груди у Робера глухими ударами. Мир за окном вдруг сделался громким и полыхнул огнем. И посреди этой какофонии раздался пронзительный крик матери: «Надо уезжать, надо уезжать!»

Вторая мировая война пришла в Суассон.

Формально она была объявлена восемь месяцев назад. Но по-настоящему бои начались лишь пять дней назад, когда немцы, обманным маневром оттянув силы союзников к бельгийской границе, прорвали линию обороны южнее — в Арденнах, густо заросших лесом холмах на северо-востоке Франции. Союзники считали эту местность слишком труднопроходимой для нацистского наступления. Что, разумеется, и послужило главной причиной, по которой немцы выбрали именно ее.

Три колонны немецких танков, змеившиеся на полтораста с лишним километров вглубь, вырвались из лесов. В последние несколько дней оборонявшим рубежи французским и бельгийским солдатам, многие из которых были всего лишь резервистами, довелось пережить настоящий кошмар — конечно, тем из них, кто вообще сумел его пережить. С неба их атаковали «юнкерсы», а на земле — бесчисленные чудовищные «панцеры». Великобритания отправила на помощь обороняющимся больше 70 бомбардировщиков, но немецкие истребители смяли их и почти уничтожили — 39 машин не вернулись на базу. Это были самые крупные потери за всю историю Королевских ВВС в операциях подобного масштаба.

На земле немцы стремительно пробили в обороне брешь шириной 50 км и глубиной 25. Но двинулись они не на юго-запад, к Парижу, как ожидало французское командование,

а на северо-запад — к проливу Ла-Манш. Туда, где можно было отсечь элитные части французов и британцев, увязшие в Бельгии. И после — взять всю Францию.

Суассон лежал как раз на пути этого северо-западного броска. Робер с шестью братьями и сестрами выскочили из дома: на улице леденящий душу вой пикирующих «юнкеров» звучал еще невыносимее. Бомбы падали на фабрики Суассона. Дети со всех ног кинулись к семейному седану, и мать, Консуэло, усадила всех в автомобиль. Старшему, 17-летнему Анри — на год старше Робера, — она велела гнать в Шатонёф-сюр-Шер в замок ее матери, герцогини де Майе, в 370 км к югу. Сама Консуэло решила остаться: как глава местного отделения Красного Креста, она должна была руководить действиями организации в департаменте Эна.

— Я вас догоню! — крикнула она Анри и Роберу.

Ее окаменевшее лицо ясно давало понять: спорить бесполезно. Она не могла допустить, чтобы ее дети — от четырех до 17 лет — сгнули в том же огненном блицкриге, что, возможно, уже поглотил их отца, 50-летнего Оливье, служившего офицером связи с британскими ВВС на франко-германской границе.

— Уезжайте! — приказала она Анри.

Дети отправились в путь под ничем не сдерживаемым градом бомб — самолетов союзников в воздухе почти не было. Впоследствии историки назовут эти дни Битвой за Францию, однако на деле французская военная авиация была рассредоточена по всей империи: лишь 25% самолетов базировалось на родине, и всего четверть из них находилась в составе действующих соединений. Таким образом, Суассон был почти беззащитен перед бомбежками. Непрерывающийся вой «юнкеров» и гулкое эхо взрывов гнали семейство Ларошфуко прочь — в бездумной, почти животной, панике.

Но движение на дорогах почти замерло. Немцы разбомбили вокзалы и многие мосты в Суассоне и окрестных городках. То и дело «юнкеры» на брющем пронеслись над потоком беженцев, поливая их пулеметным огнем. Младшие дети в машине Ларошфуко пронзительно визжали при каждой очереди, но пули, к счастью, ложились позади.

Пока они выбирались из зоны нацистского наступления, к процессии присоединялось все больше беженцев. То тут, то там у обочин стояли заглохшие автомобили. Некоторые семьи тащили за собой лошадей и ослов, навьюченных кое-как собранным скарбом. Дети Ларошфуко, прильнув к окнам, с потрясением взирали на эту сюрреалистическую картину. Исход, какого современная Франция еще не знала.

Пилот французской разведывательной авиации Антуан де Сент-Экзюпери наблюдал за этим исходом с воздуха. В книге «Военный летчик» он позже напишет: «В час, когда пресс бомбардировщиков всей своей тяжестью придавил города и заставил целый народ черным соком разлиться по дорогам. В час, когда Франция являет собой мерзкое зрелище развороченного муравейника...»*

Часы утекали, дорога бесконечно стелилась впереди, и, хотя в вышине изредка раздавался вой пикирующих «юнкеров», семейство Ларошфуко уцелело — немецкие бомбардировщики спешили присоединиться к многочисленным эскадрильям, направлявшимся к Ла-Маншу. Новости были крайне скудными. Местные власти зачастую первыми спасались бегством. Люди привязывали к крышам автомобилей матрасы в надежде хоть как-то защититься от бомб. Но вскоре, как заметил Робер, матрасам нашлось более привычное применение: в первую ночь заторы на дорогах вынудили беженцев

* Пер. А. Тетеревниковой.

устраиваться на ночлег где-то посреди бескрайних равнин Центральной Франции.

Рядом с дорогой вырастали импровизированные укрытия. Эхо бомбежек стихло, но Анри все равно велел младшим держаться вместе, когда они с затекшими ногами выбирались из машины. Анри, первенец и любимец семьи, отличался серьезностью и ответственно относился к учебе. А Робер был красивее: высокие скулы, черты лица, застывшие в легкой надменной гримасе, словно он вечно держал во рту сигарету. Ни дать ни взять французский кузен Кэри Гранта*.

Но при этом — отчаянный сорвиголова. Почти ежегодно родителям приходилось переводить его из одного пансиона в другой. Братья понимали, что теперь им придется взять на себя родительские обязанности и опекать младших. Но на деле главную роль играл Анри. В конце концов, это ведь Робер однажды повис на парапете фамильного замка метрах в пятнадцати над землей — по малолетству и для острых ощущений. И он же как-то позволил себе произнести слово «дерьмо» прямо при бабушке Ларошфуко, чем привел братьев и сестер в неописуемый восторг.

Дети держались вместе: Анри и Робер, 15-летний Артюс и 13-летний Пьер-Луи, их сестра Йолен 12 лет. Младших, семилетнюю Кармен и Эмери, которому было всего четыре, еще не принимали в тесный круг старших. Их не звали гонять мяч с братьями и Йолен, и лишь изредка им случалось поплескаться вместе со всеми в реке Эна, огибавшей фамильную усадьбу.

У малышей была своя жизнь, и они не слишком вникали в переплетение симпатий и антипатий старших: в то, как Артюс тянулся к Пьеру-Луи больше, чем к Анри с Робером, или в то,

* Кэри Грант (1904–1986) — знаменитый голливудский актер, воплощавший в 1940–1950-х гг. образ обаятельного и элегантного героя-любownika в романтических комедиях.

как братья, объединившись, частенько поддевали Йолен, единственную девочку, пока за нее не вступался Робер, порой пуская в ход кулаки. Словом, Роберу в семье досталась роль брата-шалопа с золотым сердцем...

Спустя годы он уже не мог вспомнить, как именно они провели ту первую ночь: то ли на одеялах, второпях брошенных Консуэло в багажник, то ли прямо на траве, под утешительным мерцанием звезд. Но в памяти отчетливо всплывало, как он шел среди огромного беспокойного людского роя. Люди устраивались на ночлег небольшими группами — на поле, которое, казалось, простирается под лунным светом до самого горизонта. Робер был напуган не меньше, чем окружавшие его скитальцы. Однако в шутках, которыми они перебрасывались, и даже в их молчаливой решимости он вдруг ощутил почти осязаемое чувство единения, разлитое в воздухе.

Вся предыдущая жизнь Робера не готовила его к этому чувству: он был дворянином, история его рода сплелась с тысячелетней историей Франции. Когда они всей семьей отправлялись на фешенебельные курорты Ниццы и Сен-Тропе, им и в голову не приходило воспользоваться общественным транспортом: зачем, если можно путешествовать в личном железнодорожном вагоне бабушки Ларошфуко — с четырьмя спальными купе, гостиной и столовой?

Однако ночной воздух и единение с соотечественниками всколыхнули в душе Робера чувство, похожее на то, что испытывал его отец 20 годами ранее, в окопах Великой войны. Там, среди солдат всех сословий, Оливье отринул последние пережитки монархизма и стал, по его собственному выражению, убежденным республиканцем. Глядя на костры и семьи, которые устраивались спать где попало и на чем попало, Робер почувствовал желание спасти La France от унижения, защитить ее — раз уж армия с этим не справилась.

Дети провели в пути четыре дня. Во время Битвы за Францию свои дома покинули около 8 млн человек — пятая часть населения страны. Шоссе были настолько перегружены, что лучшим средством передвижения стал велосипед: казалось, дороги французской провинции непонятным образом превратились в улицы Бомбея. Бросить машину и пойти пешком было бы быстрее, но Анри и слышать об этом не желал.

Тысячи родителей потеряли детей во время этого исхода на юг. Еще много месяцев газетные полосы пестрели объявлениями семей, которые разыскивали пропавших. Ларошфуко оставались в машине и всегда держались вместе. Понемногу они продвигались вперед — долгие часы ушли только на то, чтобы по одному из немногих мостов, которые немцы еще не разбомбили, пересечь Луару, огибающую юг Франции.

В небе больше не было «юнкеров», однако дороги оставались такими же переполненными, как и прежде. Это паника, думал Робер. Не в его привычках было задумываться, но он прекрасно понимал ее причину. Людей гнало из домов не только нынешнее вторжение. Их гнало вторжение, которое стояло у них перед глазами последние 20 лет. Вторжение, которое они слишком хорошо помнили.

В Первой мировой войне погибло 1,7 млн французов — 18% всех, кто сражался. Больше, чем в любой другой развитой стране. Французская земля была ареной множества сражений. Битвы были настолько чудовищными, а разрушения настолько повсеместными, что казалось, будто война так и не закончилась. Семейное поместье Ларошфуко, Вильнёв, тоже стало полем боя: в ходе войны оно переходило из рук в руки 17 раз. Французы обороняли замок, немцы вели огонь с противоположного берега Эны. Вильнёв превратился в руины, соседнему Суассону повезло ненамного больше: город был разрушен на 80%.

Даже после того, как Ларошфуко заново отстроили поместье, на его фундаменте отчетливо виднелись характерные следы от тяжелых снарядов. Почва на всех 14 гектарах Вильнёва тлела еще семь лет после того, как ее изрыли минометными снарядами. Она дышала паром — слишком горячая, чтобы ее пахать. Даже в 1930-х гг. Робер не раз видел, как плуг останавливался и работник доставал из борозды похороненный в земле артиллерийский снаряд или ручную гранату.

Даже 1600-летний собор в Суассоне, где Ларошфуко иногда бывали на мессе, изрешетили пули и снаряды — от каменного фундамента до горделивых готических шпилей: где-то темнели шрамы от очередей, а иные раны были сквозными. (На фасаде собора до сих пор видны эти шрамы.) Такие же отметины носили и магазины по всей округе, а многие ветераны войны, включая и отца Робера, вернулись домой с увечьями. После ранения лодыжки, полученного в 1915 г., Оливье сильно хромал. Последствия войны мешали даже его увлечениям — отправляясь на охоту, он теперь брал с собой жену. Пока муж высматривал дичь, Консуэло держала ружье: лишь заметив добычу, он на миг отбрасывал трость, чтобы прицелиться и сделать выстрел.

Оливье еще повезло. Иных ветеранов война изуродовала настолько, что они отказывались появляться на людях.

«Все детство я слышал беседы взрослых о Великой войне, — вспоминал Робер много лет спустя. — Родители, бабушки и дедушки, дяди — о ней говорили все». И хотя эта тема постоянно всплывала в разговорах, Оливье редко касался сути — тех четырех лет, проведенных на фронте. Он служил офицером артиллерии, и в его обязанности входило корректировать огонь батареи: следить, как снаряды ложатся на немецкие позиции, и передавать, нужно ли взять выше или ниже. Оливье не распространялся и о более личных подробностях военной жизни,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru